

Е.В. Амелина

Философская лирика А.С. Пушкина

Белинский писал, что поэзия Пушкина есть поэзия созерцательная, которая признает настоящее положение мира «если не всегда утешительным, то всегда необходимо-разумным». Муза поэта «умеет глубоко страдать от диссонансов и противоречий жизни, но она смотрит на них с каким-то самоотрицанием, ...как бы признавая их роковую неизбежность и не нося в душе своей идеала лучшей действительности и веры в возможность его осуществления». Это свойство пушкинской поэзии особенно ярко проявляется в философской лирике Пушкина.

Здесь вспоминается стихотворение «Если жизнь тебя обманет», которое в этом отношении почти декларативно. Поэт принимает жизнь такой, какая она есть, ничего не отрицая и не пытаясь бунтовать:

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смиришь:
День веселья, верь, настанет.

Конечные строки стихотворения заключают в себе наивысшую поэтическую мудрость: устремляясь в будущее, мы часто не ценим настоящего, но это настоящее становится прошлым, куда мы возвращаемся снова и снова, потому-то прошлое так дорого человеческому сердцу:

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

Мотив времени пронизывает и другое пушкинское стихотворение — «Вновь я посетил». Оно было написано в Михайловском в 1835 году. Жуковский опубликовал стихотворение в V томе «Современника» под произвольным названием «Отрывок» уже после смерти поэта.

Это стихотворение о Михайловском, где поэт провел «изгнанником два года незаметных». И уже в начале здесь звучит мотив быстротечности времени, «общего закона», которому покорен человек:

Уж десять лет ушло с тех пор — и много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,
Переменился я...

Однако знакомый «уголок земли», его природа, мерный, однообразный ритм жизни — все это, казалось бы, неподвластно времени. На первый взгляд, в Михайловском все осталось по-прежнему. С легкой грустью вспоминая о прошлом, поэт узнает знакомые места: «опальный домик», где жил «с бедной нянею», «холм лесистый», «озеро» с «отлогими берегами», «мельница», «нивы золотые», «три сосны». Здесь у Пушкина как бы сливаются два времени — прошлое и настоящее. Все реалии настоящего существуют еще и в прошлом — в сознании поэта, в его благодарной памяти.

Здесь же возникает едва ощутимый мотив смерти, бренности человеческого бытия. «Опальный домик» поэта одинок: «бедной няни» уже нет в живых, не слышно больше ее «шагов тяжелых».

Таким образом, тема «общего закона бытия» и тема «вечной жизни природы» как будто противоборствуют на протяжении всей данной части стихотворения: подчиняясь ходу времени, изменился сам поэт, уже нет няни, но знакомый «уголок земли», кажется,

не только неподвластен времени, но застыл в неподвижности: «Минувшее меня объемлет живо». Прошлое, «минувшее» оказывается «живо» в настоящем. «Минувшее» в точности такое же, как и ранее, пока поэт не замечает здесь никаких изменений.

Синея, «стелется широко» озеро, рыбак неизменно тянет за собой «убогий невод», за деревьями «скривилась мельница», в «гору подымается дорога», три сосны «стоят по-одаль» — все эти картины совпадают и в воспоминаниях поэта, и в его новом впечатлении. Но вот, проезжая мимо трех старых сосен, он отмечает изменения в природном мире:

...Они все те же,
Все тот же их, знакомый уху, шорох —
Но около корней их устарелых
(Где некогда все было пусто, голо)
Теперь младая роща разрослась,
Зеленая семья; кусты теснятся
Под сенью их, как дети...

Здесь мотив противостояния человека и природы внезапно приглушается, а затем незаметно переходит в противоположный — мотив единства человека и природы. Природа, как и человек, подвержена влиянию времени. Человек осознается здесь частицей природы, живущей по тем же законам. Возле старых корней могучих сосен молодые «кусты теснятся», «как дети». В этом видится поэту величайшая мудрость вечного обновления жизни, вечного торжества юности. Здесь возникает мотив будущего, «младого, незнакомого племени»:

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст..
Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомянет.

Темы прошлого, настоящего и будущего сливаются в финале стихотворения.

Стихотворение написано безрифменным пятистопным ямбом, который создает особую разговорную интонацию. Композиционно произведение делится на две части. Первая часть — это воспоминания поэта о прошлом. Вторая часть — мысли его о будущем. Композиция стихотворения нашла свое отражение в языковых средствах. В первой части (первые три тирады) мы находим множество глаголов в форме прошедшего времени: «провел», «переменилось», «бродил», «жил», «сизживал». Во второй части употреблены глаголы в форме будущего времени: «увидю», «перерастешь», «услышит», «пройдет», «вспомянет». В стихотворении можем отметить точные, уместные эпитеты («опальный домик», «шагов ее тяжелых», «кропотливого ее дозора», «убогий невод», «нив золотых», «пажителей зеленых»), метафоры («Зеленая семья; кусты теснятся Под сенью их, как дети»). Лексика стихотворения разнообразна: здесь есть слова и разговорно-бытового, «низкого» стиля («насилу», «сизживал», «вспомянет»), и «высокого» стиля («объемлет», «под сенью»), и славянизмы («по брегам», «младая», «главу»). В сложных предложениях часто встречаем тире, подчеркивающее контрастное сравнение прошлого и настоящего. В стихотворении есть аллитерации и ассонансы: «вечор еще бродил Я в этих рощах», «Знакомым шумом шорох их вершин», «ворочая при ветре».

С мотивом прошлого и будущего в пушкинских стихотворениях неразрывно связана и тема соседства жизни и смерти («Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит», «Когда за городом задумчив я брожу», «Два чувства дивно близки нам»). Характерно, что эти, казалось бы, полярные понятия не противопоставлены у поэта, а лишь взаимно дополняют

друг друга. Сам мотив бренности человеческого существования звучит у Пушкина необыкновенно жизнеутверждающе:

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века,
По воле бога самого,
Самостоянье человека
И все величие его.

Нельзя сказать, что все пушкинские размышления всегда так светлы и оптимистичны. Чувства безысходности, тоски и отчаяния нередко овладевали поэтом, и тогда появлялись неразрешимые вопросы: «Дар напрасный, дар случайный, Жизнь, зачем ты мне дана?» В такие минуты жизнь казалась поэту тоскливо-однообразной: «На свете счастья нет, но есть покой и воля», «Сердце пусто, празден ум, И томит меня тоскою Однозвучный жизни шум».

Иногда эти настроения сливаются у Пушкина с демоническими мотивами. И связь эта очень естественна. Как уже было отмечено выше, презрительное или насмешливое отношение к жизни было совершенно чуждо пушкинскому сознанию. Какое-либо духовное диктаторство было совершенно неприемлемым для него. Размышляя о человеческих отношениях, о собственной жизни, о любви или дружбе, поэт ничего не отрицает, ничего не проклиняет, на все смотрит с любовью и благословением.

Поэтому Пушкин как будто отделяет себя от собственных чувств тоски и угнетенности духа, от гнева и досады на судьбу. И появление демона здесь очень естественно:

Часы надежд и наслаждений
Тоской внезапной осеня,
Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня.

(«Демон»)

Причем мироощущение демона полностью противоположно мироощущению самого поэта:

Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе,
На жизнь насмешливо глядел
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.

Демонические образы поэт создает и в стихотворении «Бесы», написанном в 1830 году. История создания стихотворения не прояснена в литературоведении. Известно, что незадолго до написания «Бесов» поэт перечитывал «Ад» Данте. Пушкин рисует здесь традиционный в литературе «бесовский пейзаж»: ночная дорога, метель, вьюга, освещаемая светом луны, тучи, мчащиеся на фоне мутного неба, неведомые равнины. Герой и ямщик сбиваются с пути, их охватывает страх и тревога. Внезапно они видят беса, который неуловим и вездесущ: толкает «одичалого коня», «дует» на заблудившегося путника, сверкает «искрой малой» во тьме пустой. Затем «бесовство» в стихотворении как будто разрастается: бесы уже мчатся «рой за роем в беспредельной вышине». Бесы у Пушкина «бесконечны», как бесконечно неисчерпаемое в мире зло. Именно это обусловило чувство лирического героя — его надрывную тоску, какое-то щемящее чувство безысходности.

Все стихотворение построено на непрерывном нарастании беспокойства и страха в душе лирического героя. Мрачный, страшный пейзаж здесь становится своеобразным рефреном:

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.

Так начинается стихотворение, так же оно и заканчивается. Однако в финале чувства героя становятся иными: его страх переходит в бесконечную тоску, чувство безысходности. В «Бесах» использованы емкие, эмоциональные эпитеты («мутно небо, ночь мутна», «среди неведомых равнин», «одичалого коня», «кони чуткие», «в беспредельной вышине», «визгом жалобным и воем»), повторы, подчеркивающие монотонность и однообразие зимнего пути и одновременно нарастающий страх героя («еду, еду», колокольчик «дин-дин-дин», «страшно, страшно», «вон, вон»), олицетворения («вьюга злится, вьюга плачет»), метафора («Вьюга мне слипает очи»). Лексика стихотворения разнообразна: здесь мы находим слова разговорно-бытового стиля («поневоле», «нет мочи», «Хоть убей, следа не видно»), «высокого» стиля («очи», «далече»).

Таким образом, человек в пушкинской лирике принимает мир таким, какой он есть, не пытаясь что-либо изменить в нем. Единственная возможность изменения мира — это изменение самого человека, его ума и души. «Решительно никто из русских поэтов не стяжал такого неоспоримого права быть воспитателем и юных, и возмужалых, и даже старых, ... потому что мы не знаем на Руси более нравственного... поэта, как Пушкин», — писал Белинский.